

Глобальное и национальное: стилевые процессы в современной российской архитектуре (Часть 1)

Статья анализирует состояние стилеобразования в современной российской архитектуре общественных зданий и состояние соответствующей предметной области теории архитектуры. Стиль рассматривается, в первую очередь, как результат последовательного выражения идеи (концепции, «духа») в архитектурной форме. С опорой на подход К. Александера и Н. Салингароса автор характеризует два основных направления развития практики и теории стиля в мировой и российской архитектуре и ставит вопрос о стилиевых критериях оценки результатов взаимодействия российской (региональной) архитектуры с мировыми трендами и концепциями.

Ключевые слова: стиль в архитектуре, современная архитектура, архитектура России, российская архитектура, стилеобразование, целостность, К. Александер, Н. Салингарос.

BYSTROVA T. Y.

GLOBAL AND NATIONAL: THE STYLISTIC PROCESSES IN MODERN RUSSIAN ARCHITECTURE (Part 1)

The article analyzes the state of style formation in the modern Russian public buildings architecture and the state of the corresponding subject area in the architecture theory. The style is considered, first of all, as a result of consistent expression of the idea (concept, «spirit») in architectural form. Based on the approach by K. Alexander and N. Salingaros the author describes two main development directions of the theory and practice of style in the world and Russian architecture and asks about stylistic criteria for assessing the results of cooperation between Russian (regional) architecture and global trends and concepts.

Keywords: architecture, modern architecture, architecture in Russia, Russian architecture, style formation, integrity, K. Alexander, N. Salingaros.

**Быстрова
Татьяна
Юрьевна**

доктор философских наук,
профессор УрФУ, Заслу-
женный работник ВШ РФ,
зав. лабораторией теории
и истории архитектуры
Филиала ФГБУ
«ЦНИИП Минстроя России»
УралНИИпроект
e-mail: taby27@yandex.ru

1 Введение

В середине XX в. под влиянием глобализации происходит резкое, можно сказать — революционное, изменение характера стилеобразования в архитектуре, дизайне, моде, литературе, иначе говоря — в большинстве социально-окрашенных областей создания материальных форм. Его анализ как эстетического явления на основании работ О. Шпенглера и А. Ф. Лосева производился нами ранее [7, гл. 5] и коротко может быть обозначен как овнешнение стиля, подмена стиля как способа реализации глобальной экзистенциальной идеи набором внешних формальных черт. С одной стороны, это облегчает их достаточно произвольное комбинирование (как, к примеру, в постмодернизме). С другой стороны, легитимирует проявление вариаций и индивидуальных творческих поисков [14, 343].

Понятие «стиль» удобно для изучения архитектурного формообразования по целому ряду причин. Если сравнивать концепцию и стиль, то концепция как интеллектуальный продукт

менее «уловима»; она может быть представлена в текстах, скетчах, слоганах и т. п. [9, 17–26], тогда как предметно выраженные стилиевые формы легче фиксировать или сопоставлять. При сопоставлении «направления» и «стиля» становится заметной большая конкретность стиля, помогающая разобраться в его внешних формальных атрибутах.

Однако в архитектуре ситуация разработки и исследования стиля усложняется наличием технического компонента, который, согласно названным теоретикам, не может порождать стиля — будучи способным сопровождать и реализовать его. Между тем, большинство называемых в англо- и русскоязычных источниках «стилей XXI века» («стилей современной архитектуры»)¹ представляют собой версии техногенного подхода, говорят о технологии — а не об идеологии или эстетике — создания

1 Эти формулировки вводилась нами в поисковых системах Yandex и Google для поиска соответствующих научных источников (дата обращения: 03.01.2018).

форм. «Дигитальная архитектура», «нано-архитектура», «хай-тек», «дигитальный морфогенез», «параметризм» [1] идут не от идеи или эстетики, а от тех инструментов, которыми можно добиться создания формы, выглядящей «современно», кажущейся таковой. Статьи, в том числе научно-популярные [2], о перспективных трендах в архитектуре ближайших лет, безусловно, познавательны и нужны. Но они лишь перечисляют то, что уже есть, умалчивая о необходимом или хотя бы вероятном стилевом векторе. Образ архитектуры будущего, равно как и образ современной гармоничной архитектуры, весьма размыт, в том числе у членов профессионального сообщества.

На границу между стилем и его техногенной имитацией можно поместить «устойчивую архитектуру» (sustainable architecture) и параметризм, уже стремящихся к выражению нового мироощущения, новых человеческих ценностей и устремлений через работу с тектоникой и структурами [4; 12; 18], но еще не выработавших в полной мере собственного эстетико-художественного языка [8] и зачастую редуцируемую до (опять-таки, набора инженерных технологий).

Вторая, и тоже достаточно неопределенная в своих основаниях, группа «стилей XXI века» обращена «лицом назад» — нео-историзм, нео-классика, нео-модернизм, даже постмодернизм — не только ретроспективны, но местами банальны из-за отсутствия целостности и выразительности, свойственной их первообразам. Они в большей степени задаются заказчиком, плохо представляющим себе шкалу эстетической оценки современного архитектурного объекта и потому тяготеющему к проверенным рецептам [14, 360]. Консерватизм усугубляется отсутствием авторитетных и вместе с тем доступных работ по проблемам стилеобразования; исключение составляет постепенно набирающий вес подход К. Александера и его коллег, который приводится в данном тексте.

Нарастание экономической и даже политической детерминации архитектурного процесса, особенно в области общественных зданий, приводит к пестроте, эклектичности, бессвязности «текстов» современных городов, их вредному воздействию на глаз, душу, состояние человека. Оригинальное здание, созданное по новым эстетическим канонам (к примеру, деконструктивистским), может выглядеть выразительно, так сказать, в единичном экземпляре. Невозможно представить деконструктивистскую среду, заполняющую все городское

пространство, точнее, представить себя в такой среде.

Констатация разорванности городской ткани стала уже общим местом у градостроителей, урбанистов, архитекторов, однако мало кто ставит вопрос о путях выхода. Вероятнее всего, их может быть несколько, но «внутри» архитектуры необходимо на новом витке прийти к балансу разнообразия и целостности, сопровождавшему лучшие ее эпохи. Такое разнообразие обеспечивается, в том числе, региональными версиями формообразования, из которых нас более всего интересует российский вариант, мало исследуемый в работах последних лет даже в тех случаях, когда заголовки показывает намерение автора провести масштабный анализ [например, 12; 15]. В зарубежных специализированных журналах (типа *Frontiers of Architectural Research*) подобная постановка вопроса отсутствует, чаще встречается тема вернакулярной² [13] архитектуры как местной реакции на глобальные процессы; в свою очередь, она сводится авторами статей к следованию традиции, а не к новаторству в формообразовании.

Достаточно убедительными на этом фоне выглядят идеи С. Чобана, который говорит об основах собственного стиля в виде климатических условий и местных строительных материалов. По его мнению, российская архитектура идет по этому пути, но сам стиль еще не сложился³ [21]. Наличие этих процессов не отменяет наднациональных тенденций, которые пока дают о себе знать более явно.

Как российская архитектура усваивает и перерабатывает стили всех видов, рожденные на интернациональных путях, что способна добавить своего, насколько значимые для России и мира архитектурные результаты это дает — вот вопросы, определяющие проблемное поле данной работы. Общественные здания выбраны нами

как более показательные, в том числе и в их представленности в Интернете.

Для раскрытия темы в первой части статьи с опорой на подход К. Александера и Н. Салингароса показаны общие тенденции стилеобразования в архитектуре XX–XXI вв. Во второй части представлен ряд российских стилевых процессов и дана общая оценка их состояния.

Методологию работы на этом этапе можно обозначить как феноменологическую: не углубляясь в дискуссию по поводу того, чем является или не является стиль, мы отталкиваемся от его рабочего определения (в том числе в архитектуре) как *выражения* жизненно-значимой идеи той или иной культуры, обеспечивающей эстетическое единство, образное родство и логику связи внешних форм.

Выбор подобного исследовательского инструмента, на первый взгляд, выглядит асинхронным, ведь выше констатированы трансформации самого феномена стиля. Однако парадокс исчезает, когда мы поймем, что именно стиль «старого образца», впервые зафиксированного в античной Греции и досконально исследованного гуманитариями первой половины XX в., способен создать эстетическое целое, необходимое для человека, в том числе по причинам физического и духовного здоровья [19]. Стиль есть выражение идеи, души, смысла — как отдельного автора (А. Ф. Лосев [17]), так и целой эпохи (О. Шпенглер [22]). Наличие глубинной идеи уводит архитектурные поиски от хаотичного микширования и пустого оригинальничанья.

Вопросы развития зарубежной архитектуры в XX в. системно представлены в трудах А. В. Иконникова (1996), А. В. Рябушина (2010), А. Г. Раппапорта (1990), Г. И. Ревзина (2002), Ю. Н. Казакова. Ими собран большой корпус данных, который сегодня необходимо дополнять и развивать за счет введения информации о новых концепциях и течениях. В значительной степени работа по осмыслению архитектурных концепций последних 30–40 лет прodelана И. А. Добрицыной [14], и эту работу можно продолжать по прошествии около 15 лет с момента ее написания.

Соотношение интернациональных тенденций и национальных традиций в архитектуре XX–XXI вв. изучают: Ю. С. Яралов (1965); С. О. Хан-Магомедов (1970); И. Г. Лежава (1977); Г. Курьерова применительно к итальянской модели архитектуры и дизайна (1993); И. А. Азизян (1995); В. Л. Хайт (2003); С. Михайлов (2009); О. В. Тарасенко применительно к архитектур-

2 Вернакулярная архитектура — архитектура, выполненная без участия профессионалов.

3 «Для выработки собственного стиля необходимо куда больший период времени, чем прошедшие 10–15 лет. Но все предпосылки для его развития, как мне кажется, есть: он формируется на стыке расширяющейся базы местных строительных материалов и более детального учета природных особенностей России. Ведь страна у нас преимущественно северная, с характерным довольно тусклым светом, отсюда и особое отношение к рельефу создаваемой поверхности, что прослеживается на протяжении всей исторической архитектурной традиции. Я думаю, сегодня мы уже на пути к развитию собственного нового стиля, но это достаточно длинный путь. — Насколько длинный? — Думаю, нам нужно еще минимум 10 лет, чтобы говорить о достижении стабильно высокого качества архитектуры» [21].

ной символике (2011); И.А. Бондаренко (2011), Г.В. Есаулов (2011; 2013). Они стремятся определить оптимальные параметры соотношения уникального и глобального в современной архитектуре, в том числе российской.

Влияние западноевропейской традиции частного домостроения на индивидуальные жилые дома России 1990–2000-х гг. исследуют Д. Гавриков и Э. Хоффман [11], в большей степени акцентируя внимание на проектный дискурс и вкусы заказчиков, чем на собственно архитектурные достоинства и недостатки конкретных объектов. Для развития темы статьи интересна и попытка проанализировать пути преодоления «чуждости» стиля архитекторами Калининградской области России, предпринятая И.В. Белинцевой (2011).

2 Внешние детерминанты процесса стилиобразования в архитектуре начала XXI в.

Несмотря на признание универсальности феноменологической трактовки стиля, нельзя не учитывать при его изучении внешних обстоятельств, существенно влияющих на стилиевые формы.

К таким факторам можно отнести:

- трансформацию самой культуры;
- изменение характера и масштабов городов — растущую урбанизацию и движение от индустриальным к постиндустриальным и неоиндустриальным городам;
- интернационализацию архитектурного процесса, в особенности в крупных городах;
- усиливающуюся экономическую и технологическую стратификацию архитектурного процесса,
- появление новых строительных материалов и технологий, «сглаживающих» региональные отличия.

Покажем это подробнее. Традиционно так называемые «большие стили», выражающие «дух» целой культуры, формировались самостоятельно. Если верить О. Шпенглеру, в Египте, Греции, арабском мире или средневековой Европе это были интенсивные процессы, практически не зависящие от внешнего вмешательства. Сегодня и на мировую, и на отечественную архитектуру влияет огромное множество обстоятельств, в том числе культурных; при этом сама культура стала иной, в ней очень важны коммуникации и информация. Через их призму оценивается все, в том числе качество архитектурного объекта, который должен нести более-менее внятное «послание» — потребителям, управленцам, инвесторам, туристам, по-от-

дельности или вместе. Параллельно с аналогичным «человеческим» процессом, в первой трети XX в. стиль сменяется имиджем — коммуникативным образом, активно влияющим на впечатление. Для понимания широкой или неподготовленной целевой аудиторией этот образ должен быть простым («передавать свернутую информацию» — Г.Г. Почепцов), стереотипизированным (Д. Ольшанский, Е.Н. Богданов, В.Г. Зазыкин), ярко эмоционально окрашенным (Ф. Котлер) и, потому, хорошо запоминающимся. Как и стилиевой продукт, он может детально прорабатываться, но не ради соблюдения каких-то эстетических закономерностей, а для достижения большей силы воздействия.

В свою очередь, примерно с 1970-х гг. имиджевые здания включаются в более широкий процесс преобразования индустриальных городов, ориентированных на рост и производство, в постиндустриальные, связанные в большей степени с туризмом, бизнесом, образованием, модой. Они позволяют узнавать и запоминать город, повышают его конкурентоспособность — равно как и дискретность предметно-пространственной среды. Аргументы и критерии их оценки лежат далеко за пределами собственно архитектуры. Хрестоматийные примеры в виде Сиднейской оперы (арх. Й. Уотсон, 1973), Центра Помпиду в Париже (арх. Р. Роджерс, Р. Пьяно, Д. Франчини, 1977), «Больших штанов» в Пекине (здание CCTV, арх. Р. Колхас, О. Шерен⁴, 2009) свидетельствуют о коммуникативном потенциале имиджевой архитектуры, а также о самых различных путях ее формообразования, от ярко-образного до сугубо конструктивного. Они же подсказывают нам необходимость анализа процессов стилиобразования в архитектуре современной России на нескольких уровнях, ибо то, что позволяет себе столица, недоступно для города-миллионника, который, в свою очередь, показывает архитектуру, не только непозволительную, но и не нужную в провинции. Процесс же стилиобразования, как это показывает О. Шпенглер, имеет тотальный характер и, варьируясь, заявляет о себе на всех этих уровнях.

Приглашение иностранных «звездных» архитекторов в столицы и крупные города привносит чаще интернациональные, чем какие-либо другие черты во вновь создаваемые объекты. Они могут развивать мотивы

местного стиля, как правило, ограничиваясь подражанием или делая его поводом для декорирования, т.е. овнешняя и разрывая исходный стиль. В противовес этому региональная архитектура — как одно из проявлений регионализма — формирует среду повседневной жизни «для себя» [5].

Значение названных факторов настолько велико, что делает почти утопичной саму попытку постановки вопроса о стиле. Однако без его решения не состоится развития, поскольку все эти факторы способствуют хаотичности и безликости архитектуры, приводят к утрате ее сущностных качеств.

3 Проблема классификации современных стилей в архитектуре

Для того чтобы в дальнейшем вычленять и исследовать стилиевые процессы в современной российской архитектуре, необходимо принять какую-либо рабочую классификацию стилей современной архитектуры. В этой области царит полная терминологическая неразбериха, уверенно обозначается разве что хай-тек, являющийся квази-стилем (как уже отмечалось, техника не может стать порождающим началом для такого живого и смыслоносного феномена, как стиль). Одни авторы расширительно и безосновательно обозначают все знаковые постройки начала XXI в. как «постмодернизм», другие [4], напротив, чрезмерно дифференцируют каждый этап и каждое направление, что хорошо в обучающих целях, но не всегда удобно в практическом или исследовательском плане.

Стилиевая ситуация объективно сложна уже в середине XX в., прежде всего, по политическим и экономическим причинам. Так, А.К. Якимович отмечает парадоксальность советской архитектуры 1960–80-х гг., когда «полумодернистский художественный язык был включен в официальную эстетическую доктрину тоталитарного режима» [23, 35]. В свою очередь, режим требовал наиболее экономных версий, что приводило к следованию образцам «интернационального стиля» даже в политически значимых проектах. Понимая это, мы все же пытаемся вычленить внутренние закономерности стилиобразования, задаваемые архитектурными концепциями, а не политическими заказами.

При этом нужно уходить от описательных определений стиля [7], в том числе в духе немецкой «формальной школы» XIX–XX вв. (Я. Буркхардт), не способных «пробиться» к его сути и смыслу, но фиксирующих лишь внешние черты. Это позволяет довольно сильно сузить круг приемле-

4 «Функция этого здания в том, чтобы быть иконой», — говорит П. Айзенман [6, 31].

мых классификаций. Большинство из них сегодня имеют вид длинных списков, лишенных общего основания; нам для работы требуется достаточно простая и, вместе с тем, адекватная структура с четко выраженными смысловыми критериями.

3.1. Классификация стилей в архитектуре XXI в. в их отношении ко времени

Представляется, что один из вариантов может быть связан с отношением стиля ко времени. Здесь, пусть и не всегда однозначно, но достаточно уверенно можно выделить:

- ретроспективные (ностальгические) стили с широким диапазоном действий архитектора, от копирования и подражания до полноценной стилизации [7]. В них можно включить и региональные версии архитектуры, особенно те, что во главу угла ставят традицию. Некоторые авторы [20] считают такой путь стилиобразования едва ли не единственным возможным, с чем мы не согласны;

- модернизирующие стили, тоже опирающиеся на уже известные варианты, но стремящиеся развить, расширить набор выразительных средств и стиливых форм (неоготика, неоклассика и т.п.). В их список можно включить и постмодернизм, играющий с семантикой прошлого, цитирующий его фрагменты, иронизирующий над мотивами и канонами;

- актуальные, т.е. укорененные в настоящем, стили, выражающие дух места и времени определенных городов, регионов, стран. К ним можно отнести и проявления вернакулярной архитектуры, возникающей спонтанно и не всегда задумывающейся о своих истоках;

- устремленные в будущее стили, связанные со всем спектром индустрий, для которых ценны новизна и обновляемость форм, — fashion, туризм, развлечения. Представляется, что этих стилей очень немного, архитектурные критики очень мало говорят о новизне, даже прогнозируя ближайшее будущее, хотя признают эту задачу насущной именно для архитектуры [3]. Чаше сторонники этой траектории развития архитектуры все же довольствуются фиксацией внешних черт объектов.

Примерно таким путем идет автор текста на одном из сайтов, пишущий о том, что современный архитектурный стиль связан с индустриями, не тождествен модернизму, реализуется в медиа и книгах и его «очень просто понять», в особенности, если знать его характерные черты, такие как: его инспирированность функцией; простоту форм; любовь к линейным вещам; внимание к материалам; минималистский декор и т.п. [1]. Современный стиль, по его мнению, способен помочь оторваться от настоящего и порвать с прошлым. Единственное, в чем можно согласиться с данным автором, это с отнесением постмодернизма к стилям, связанным с прошлым и в этом смысле теряющими свою актуальность.

Мы не рассматриваем псевдо- и квази-варианты, описанные еще Ч. Дженксом [13] или Р. Вентури [10], когда к параллелепипеду приставлена декоративная поверхность любого вида, т.к. в задачи работы не входит охват всех и любых архитектурных явлений; предметом нашего изучения выступает стиль. Сюда явно не входит модернизм, если понимать под ним не просто архитектуру промышленно создаваемых форм, а целую творческую программу. Вне этого спектра остается и органическая архитектура, ставящая во главу угла *структурное* (т.е. внутреннее) родство природным формам. Основная идея органической архитектуры может реализоваться десятками различных способов, реализовываться частично, принимать вид авторских (Р. Штайнер, Ф. Хундертвассер, И. Маковец, А. Тон), учитывать или не учитывать региональные или временные параметры. Это замечание подталкивает

к выделению каких-либо других оснований для классификации, чем отношение ко времени.

3.2. «Живые» и техногенные стили

Именно сторонники органического подхода дают еще одно глобальное основание для классификаций, говоря об «архитектуре жизни» и «архитектуре смерти» [19]. Здесь уже затронутый выше вопрос о невозможности технического начала дать жизнь новому стилю обостряется до предела.

Согласно Н. Салингаросу, человек как живое существо нуждается в органическом же окружении, изоморфном структуре живых организмов. Стили прошлого, о которых он рассуждает в первой части «Анти-архитектуры» [19, 31–43], несмотря на их внешние различия, создавали архитектуру как «организованную сложность», как живое целое. От этого, в том числе под влиянием амбиций и политических причин, ушел сначала модернизм, а потом деконструктивизм.

«Представим, что на крупной открытой парковке (...) лежит шахматная доска (...) В масштабе парковки доска занимает ничтожно малую площадь; она теряется на просторах окружающего ее пустого пространства (...) Однако если оценивать долю упорядоченной информации, то доска, вероятно, является единственной частью автостоянки, где присутствует геометрический порядок (...) На шахматной доске собраны и представлены только живые архитектурные стили, то есть такие, которые позволяют строить здания, где в упорядоченной сложности форм таится жизнь (...) «Жизненная энергия» архитектурных объектов — это математически измеримое свойство, упорядоченная сложность, которая помогает нашей системе восприятия установить контакт с формами, пространствами и поверхностями. Я имею в виду не беглое разглядывание объектов, а более глубокую связь с ними (Alexander, 2002⁵)», — пишет Н. Салингарос [19, 32–33]. В этом фрагменте можно увидеть все ключевые слова дискурса Александра-Салингароса, в котором стиль представлен как неотъемлемое качество архитектуры, более того, своеобразный «мостик» между человеком и архитектурой.

Развивая совершенно иной, чем у О. Шпенглера, подход, он отмечает, что большинство новых архитектурных стилей «лишены важных (математических) качеств жизни» [19, 34]. Возможно, непреднамеренно, он употребляет тот же термин «выражение духа», что и у О. Шпенглера: «Человеческий дух творчески выражает себя в зодчестве — как в монументальных постройках древних цивилизаций, так и в мельчайшем орнаменте, свойственном любой региональной архитектуре. Все, что создано руками человека, служит символами нашего духа, разума и души — эта триада находит отражение в том, что построено» [19, 46]. Тем самым расширяется в объеме, но не девальвируется, понятие «стиль» применительно к архитектуре: если объект выражает человеческий дух и связан с устройством мира, в нем есть стиль и «жизнь»; если он выражает торжество технического начала, в нем есть (может быть) стиль и «смерть».

Обе термина не метафоричны. Смерть — это уход от целого, упрощение структуры, тогда как жизнь — многоуровневое, динамичное, самоподобное целое. В качестве примера «архитектуры смерти» исследователь приводит здание Еврейского музея в Берлине (арх. Д. Либескинд, 2001) (Иллюстрация 1). «Архитектура жизни» иллюстрируется в основном объектами Л. Крие (р. 1946) и К. Александера (р. 1937) (Иллюстрация 2).

⁵ Ссылка Н. Салингароса на работу К. Александера «Природа порядка», которую мы сохраняем, потому что сам Салингарос постоянно подчеркивает связь своей позиции с теорией и практикой К. Александера.

Иллюстрация 1. Еврейский музей. Берлин, Германия. Арх. Д. Либерскинд. Фото Т. Ю. Быстровой. 2010 г.

Иллюстрация 2. Эйшин кампус (Higashino High School), Япония. Арх. К. Александер. 1989 г. Фотограф: Такеши Какеда. URL: <http://permactecture.blogspot.ru/2013/04/eishin-campus.html>

Иллюстрация 3. Случайная выборка архитектурных решений частных домов разных стран с сайта Contemporist доказывает невозможность их анализа с точки зрения стиля или разницы стилей:
1 — жилой дом с перголой в Скотч Кав, Канада. Арх.: FBM, 2017, фотограф Дж. Паркинсон, <http://www.contemporist.com/fbm-design-a-new-house-to-sit-beside-the-ocean-in-nova-scotia/>;
2 — жилой дом в Палм-Спрингс, Калифорния, США. Арх. У. Эдрис, 1952, <http://www.contemporist.com/edris-house/>;
3 — жилой дом в Буэнос-Айресе, Аргентина. Арх.: Besonias Almeida Arquitectos, 2017, фотограф Ф. Кулекджян, URL: <http://www.contemporist.com/besonias-almeida-arquitectos-concrete-and-wood-house/>;
4 — жилой дом, Австралия. Арх.: SJB, 2017, фотограф Н. Энгланд, URL: <http://www.contemporist.com/sjb-architects-small-house-in-small-town-australia/> (дата обращения: 05.01.2018)

Не пересказывая полностью позицию Н. Салингароса, отметим достаточную аргументацию тезиса о расширении ареала «архитектуры смерти», подобном распространению вируса, в том числе в общественных зданиях типа музеев и даже церквей.

Знакомство с подходом Н. Салингароса и К. Александера дает основания не только для классификации стилей современной архитектуры, но и постановки вопроса о том, какие для них

продуктивны в случае их появления в отдельном городе или регионе, а какие могут разрушить их историческую и человеческую ткань. Категориальный аппарат их исследований помогает увидеть тесную взаимосвязь отдельных концепций (идей) архитектуры с их стилистыми выражениями и дает возможность вывести критерии принятия либо критической оценки того, что воспринимается и перерабатывается российской архитектурой

(как одной из версий региональной архитектуры) из глобальных трендов современности.

3.3. Масштабы проявления стиля в архитектуре XXI в.

Следует признать, что здания-иконы, здания-достопримечательности, общественные здания, о которых пишет каждый первый критик, составляют ничтожно малую величину в сравнении с общим числом возводи-

мых объектов. Их нахождение в столицах и мегаполисах предопределяет наше внимание к общественным зданиям, поскольку архитектура частных домов, несмотря на постоянные кивки в сторону регионализма, выглядит гораздо более унифицированной в сравнении с ними (Иллюстрация 3). Будучи размещенным на отдельном участке, такой дом выглядит «стильно» в силу его продуманности и завершенности. Будучи мультиплицированным, он, однако, создаст монотонную среду, которую почти невозможно оценить в стилиевых категориях.

Следовательно, деление по масштабу даст нам: глобальную и локальную (региональную) архитектуру с их различной стилистикой. Региональная архитектура адаптирует глобальные тенденции, но не отвергает их [16]. При этом в локальной версии, в том числе общественных зданий, больше шансов на самобытность, особенно в России, у городов среднего масштаба. Конечно, пока этот тезис не доказан и играет роль гипотезы, но к нему можно вернуться в дальнейшем, после анализа эмпирического материала во второй части статьи.

В итоге мы получаем трехмерную модель реализации стилей в архитектуре начала XXI в., где каждая из выделенных ранее частей может быть представлена в виде плоскости — темпоральной, витальной и пространственной. Их пересечения и дают разнообразие стилиевых находок и одновременно помогают понять критерии оценки объектов российских архитекторов, работающих с тем или иным «внешним» стилем. Вероятнее всего, это будут стили, ориентированные на настоящее и будущее (в временном плане) и на «жизнь» (в витальном плане).

Заключение

Анализ процесса восприятия и переработки глобальных архитектурных концепций архитекторами из регионов (включая Россию) невозможен без уточнения предметной области его проведения — а именно, стилиевых, материально оформленных воплощений, позволяющих соотнести реальные параметры с декларируемыми. В свою очередь, теоретическая непроработанность представлений о стиле в современной архитектуре приводит автора к построению первичной классификационной модели, включающей в себя три плоскости — временную (темпоральную), витальную и пространственную. В следующей части статьи будет проведен анализ эмпирического материала — общественных зданий, создаваемых в начале XXI в. российскими архитекторами.

Список использованной литературы

- Amrutia J. Contemporary Architecture Style: From the Same Time Period // Kadvacorp. 24.06.2017. URL: <https://www.kadvacorp.com/design/contemporary-architecture-style/> (дата обращения: 15.12.2017).
- Brooks K. 14 Architectural Trends That Will Define The Next Decade // Archdaily. 5 June 2014. URL: <https://www.archdaily.com/512235/14-architectural-trends-that-will-define-the-next-decade> (Дата обращения: 03.01.2018).
- Contandriopoulos Ch. Architecture and Utopia in the 21st-Century // Journal of Architectural Education. 2013. Volume 67. Issue 1: Architecture and Utopia. P. 3–6. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10464883.2013.771021?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 22.12.2017).
- Hopkins O. Architectural Styles: A Visual Guide. Laurence King Publishing, 2014. 240 p.
- Moore S. Technology, Place, and Non-modern Regionalism // Architectural Regionalism: Collected Writings on Place, Identity, Modernity, and Tradition.

Ed. Vincent Canizaro. New York: Princeton Architectural Press, 2007. P. 432–442.

- Айзенман П., Колхас Р. Суперкритика. М.: Strelka Press, 2017. 218 с.
- Быстрова Т. Ю. Вещь, форма, стиль: введение в философию дизайна. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2001. 223 с.
- Быстрова Т. Ю. Направления и проблемы развития «устойчивого» дизайна // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2012. № 1. С. 80–85.
- Быстрова Т. Ю. От модернизма к неорационализму: архитектурные концепции XX–XXI вв. Монография. Екатеринбург: Вебстер, 2013. 288 с.
- Вентури Р., Браун Д. С., Айзенур С. Уроки Лас-Вегаса: забытый символизм архитектурной формы. М.: Strelka Press, 2015. 212 с.
- Гавриков Д. А., Хоффманн Э. Отражение архитектуры и строительства новых русских в немецкоязычной прессе. Ч. 1. // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2013. № 3. С. 63–68.
- Денисенко Е. В. Тенденции развития архитектуры в XXI веке // <http://izron.ru/articles/tekhnicheskie-nauki-tendentsii-perspektivy-i-tekhnologii-razvitiya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itoga-sektsiya-10-stroitelstvo-i-arkhitektura-spetsialnost-05-23-00/tendentsii-razvitiya-arkhitektury-v-xxi-veke/> (дата обращения: 30.12.2017).
- Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. Перевод с английского А. В. Рябушина, М. В. Уваровой; Под ред. А. В. Рябушина, В. Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.
- Добрицына И. А. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.
- Каримов А. В. Основные направления развития архитектуры и градостроительства в XXI веке. Омские традиции и мировой опыт // Архитектура и проектирование. URL: <http://www.ids55.ru/ais/articles/architect/401-----xxi-----.html> (дата обращения: 30.12.2017).
- Куршакова В. Н., Янковская Ю. С. Регионализм в современной архитектуре Урала // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2012. Т. 1. С. 95–99.
- Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. Киев: Изд-во: «Collegium», «Киевская Академия Евробизнеса», 1994. 286 с.
- Салех М. С. Параметризм как новый глобальный стиль в архитектуре и градостроительстве // Гуманитарные и общественные науки: опыт, проблемы, перспективы. Ставрополь: Издательство: Центр научного знания «Логос», 2016. Т. 2. № 2. С. 81–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25914132> (дата обращения: 27.12.2017).
- Салингарос Н. Анти-архитектура и деконструкция. Триумф нигилизма. М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 296 с.
- Чаббаров Р. Х. Национально-культурные тенденции в современном дизайне и архитектуре // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 3 (92). С. 201–206. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/635/620> (дата обращения: 03.01.2018).
- Чобан С. Собственный стиль в архитектуре России выработает за ближайшие 10 лет. Интервью. Беседовала Е. Петрова // РИА «Новости». 16.09.2015. URL:

- https://realty.ria.ru/analysis_interview/20150916/406131421.html (дата обращения: 03.01.2018).
- 22 Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. Перевод с немецкого, вступительная статья и примечания К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.
 - 23 Якимович А. К. Полеты над бездной. Искусство, культура, картина мира 1930–1990. М.: Искусство-XXI век, 2009. 464 с.
- Spisok ispol'zovannoj literatury**
- 1 Amrutia J. Contemporary Architecture Style: From the Same Time Period // Kadvacorp. 24.06.2017. URL: <https://www.kadvacorp.com/design/contemporary-architecture-style/> Data obrashcheniya 15.12.2017.
 - 2 Brooks K. 14 Architectural Trends That Will Define The Next Decade // Archdaily. 5 June 2014. URL: <https://www.archdaily.com/512235/14-architectural-trends-that-will-define-the-next-decade> (data obrashcheniya: 03.01.2018).
 - 3 Contandriopoulos Ch. Architecture and Utopia in the 21st-Century // Journal of Architectural Education. 2013. Volume 67. Issue 1: Architecture and Utopia. P. 3–6. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10464883.2013.771021?scroll=top&needAccess=true> (data obrashcheniya: 22.12.2017).
 - 4 Hopkins O. Architectural Styles: A Visual Guide. Laurence King Publishing, 2014. 240 p.
 - 5 Moore S. Technology, Place, and Non-modern Regionalism // Architectural Regionalism: Collected Writings on Place, Identity, Modernity, and Tradition. Ed. Vincent Canizaro. New York: Princeton Architectural Press, 2007. P. 432–442.
 - 6 Ajzenman P., Kolhas R. Superkritika. M.: Strelka Press, 2017. 218 s.
 - 7 Bystrova T. YU. Veshch', forma, stil': vvedenie v filosofiyu dizajna. Ekaterinburg: izd-vo UrGU, 2001. 223 s.
 - 8 Bystrova T. YU. Napravleniya i problemy razvitiya «ustojchivogo» dizajna // Akademicheskij vestnik UralNIiproekt RAASN. 2012. № 1. S. 80–85.
 - 9 Bystrova T. YU. Ot modernizma k neoracionalizmu: arhitekturnye koncepcii XX–XXI vv. Monografiya. Ekaterinburg: Vebster, 2013. 288 s.
 - 10 Venturi R., Braun D. S., Ajzenur S. Uroki Las-Vegasa: zabytj simvolizm arhitekturnoj formy. M.: Strelka Press, 2015. 212 s.
 - 11 Gavrikov D. A., Hoffmann EH. Otrazhenie arhitektury i stroitel'stva novyh russkih v nemeckoyazychnoj presse. Ch. 1. // Akademicheskij vestnik UralNIiproekt RAASN. 2013. № 3. S. 63–68.
 - 12 Denisenko E. V. Tendencii razvitiya arhitektury v XXI veke // <http://izron.ru/articles/tekhnicheskienauki-tendentsii-perspektivy-i-tekhnologii-razvitiya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itoga/sektsiya-10-stroitelstvo-i-arkhitektura-spetsialnost-05-23-00/tendentsii-razvitiya-arkhitektury-v-xxi-veke/> (data obrashcheniya: 30.12.2017).
 - 13 Dzhenks CH. YAzyk arhitektury postmodernizma. Perevod s anglijskogo A. V. Ryabushina, M. V. Uvarovoj; Pod redakciej A. V. Ryabushina, V. L. Hajta. M.: Strojizdat, 1985. 136 s.
 - 14 Dobricyna I. A. Ot postmodernizma – k nelinejnoj arhitekture: Arhitektura v kontekste sovremennoj filosofii. M.: Progress-Tradiciya, 2004. 416 s.
 - 15 Karimov A. V. Osnovnye napravleniya razvitiya arhitektury i gradostroitel'stva v XXI veke. Omskie tradicii i mirovoj opyt // Arhitektura i proektirovanie. URL: <http://www.ids55.ru/ais/articles/architect/401-----xxi-----.html> (data obrashcheniya: 30.12.2017).
 - 16 Kurshakova V. N., Yankovskaya YU. S. Regionalizm v sovremennoj arhitekture Urala // Novye idei novogo veka: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii FAD TOGU. Habarovsk: Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet, 2012. T. 1. S. 95–99.
 - 17 Losev A. F. Problema hudozhestvennogo stilya. Kiev: Izd-vo: «Collegium», «Kievskaya Akademiya Evrobiznesa», 1994. 286 s.
 - 18 Salekh M. S. Parametrizm kak novyj global'nyj stil' v arhitekture i gradostroitel'stve // Gumanitarnye i obshchestvennye nauki: opyt, problemy, perspektivy. Stavropol': Izdatel'stvo: Centr nauchnogo znaniya «Logos», 2016. T. 2. № 2. S. 81–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25914132> (data obrashcheniya: 27.12.2017).
 - 19 Salingaros N. Anti-arhitektura i dekonstrukciya. Triumf nigilizma. M.-Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2017. 296 s.
 - 20 Chabbarov R. H. Nacional'no-kul'turnye tendencii v sovremennom dizajne i arhitekture // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2011. № 3 (92). S. 201–206. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/635/620> Data obrashcheniya 3.01.2018.
 - 21 Choban S. Sobstvennyj stil' v arhitekture Rossiya vyrabotaet za blizhajshie 10 let. Interv'yu. Besedovala E. Petrova // RIA «Novosti». 16.09.2015. URL: https://realty.ria.ru/analysis_interview/20150916/406131421.html (data obrashcheniya: 03.01.2018).
 - 22 Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерки морфологии мировой истории. Т. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost'. Perevod s nemeckogo, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya K. A. Svas'jana. M.: Mysl', 1993. 663 s.
 - 23 Yakimovich A. K. Polety nad bezdnoj. Iskustvo, kul'tura, kartina mira 1930–1990. M.: Iskustvo-XXI vek, 2009. 464 s.